

НЕ УБИЙ...

Серия "Сказки для тётек".

Ирина Юсупова

Ирина Николаевна Юсупова

Не убий...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25285861

Аннотация

В серии "Сказки для тётек" есть и обычные люди, и (можете посмеяться!) инопланетяне. И умные, и не очень. Мужчины и женщины. Пожилые и совсем юные. Просто люди, просто МЫ с вами... В них и проза жизни, и мои фантазии. И грусть, и радость. И я очень хочу, чтобы мои "сказки" добавили в вашу жизнь немного улыбок и позитива. ...Марина – современный и образованный человек, ученая. Она бы с радостью назвала то, что с ней происходит просто нервным расстройством, или даже сумасшествием! ...ведь в ее жизни было столько горя, как тут не сойти с ума... Но как быть с фактами? Куда «пристроить» все то, что происходит с мужчинами, которые становятся ей близки? Ведь реальность уже не объяснишь сумасшествием! Поверить в мистику и загробный мир? Вымолить помилование у высших сил? Или все-таки разобраться во всем с научной точки зрения? Но где взять время? Мужчина, который вдруг стал ей по-настоящему дорог, не собирается от нее отказываться даже под страхом смерти! ...а обратный отсчет уже пошел...

НЕ УБИЙ...

ОН.

...Домой ехать не хотелось...

Дворники, поскрипывая и задевая желтый лист, который никак не желал улетать, сметали со стекла капли унылого осеннего дождика, тихонько усыпляли и задавали неспешный ритм, который он отстукивал пальцами по рулю...

Он сидел, уставившись в никуда и вяло прокручивал в голове варианты проведения сегодняшнего вечера.

...От Лены его уже тошнит. И почему это природа всегда скупиться, когда раздает мозги красоткам? Или они потом сами, глядясь с детства в зеркало, отучаются пользоваться столь необходимым всем остальным людям субпродуктом?

...В клуб? Пожалуй... Ведь не домой же, в самом деле... А там и других женщин полно...

И красивых, и не очень. Умных и дурочек, молодых и старых...

Только захоти.

Только не хотелось.

Осень это, что ли, навевала сонное и вялое настроение?

"...Ту 104 самый лучший самолет... Сто пассажиров он на борт себе берет..." – мобильник разорвал тишину сало-

на этой "веселой" мелодией, для установки которой ему пришлось вспомнить и нудные уроки сольфеджио, и вообще совершенно забытую уже нотную грамоту. И наслаждался реакцией людей, вздрагивающих при замечательном похоронном марше великого Шопена.

– Да.

– Сергей? – жена как всегда спросила, прежде чем продолжить. Можно подумать, что кто-то мог взять трубку вместо него.

– Да, я.

– Я договорилась.

...И можно подумать, он помнил все ее "договоры"...

– И?

– Пять. Меньше не получается.

Он сморщился, пытаясь вспомнить последние разговоры с ней, а попутно прикидывая – что же может стоить пять? И пять – чего?

Она восприняла его молчание по-своему и повысила голос:

– Я же говорила тебе дети *каких* родителей там учатся! Неужели твой единственный сын хуже?!?

– Успокойся, – он, наконец-то, понял о чем речь, и теперь в сердцах сказал: – А чуть раньше об этом нельзя было сказать? До закрытия банка всего ничего!

– Я говорила тебе, что сегодня мне дадут ответ! – тут же

парировала она. – Ты бы мог взять деньги и раньше!

– И таскаться потом с такой суммой, даже если она не потребуется... – пробурчал он.

– И это ты называешь *такой* суммой, – он просто как наяву видел ее скривленные губы.

Не захотелось напоминать ей, что она за всю жизнь не заработала и копейки. Потому что не хотелось выслушивать потом сколько на самом деле стоит жизнь такой замечательной женщины как она, которую он не ценит, не понимает, не любит... и т.д.... Поэтому он просто спросил:

– Во сколько завтра ты уходишь?

– В десять.

– Хорошо, к десяти они будут, – и дал отбой.

Посмотрел на часы – в банк успевает, но тогда уже не успевает на встречу к Лене. Номер ее нового мобильного он благополучно потерял, и предупредить никак не сможет. А ждать или сама звонить она не будет, последнее время они только ссорятся!

Почему-то стало легко и радостно:

– Ну и черт с ней! – сказал он весело. – Значит, в клуб!

Выйдя из банка и уже сев в машину, он опять задумался – и все-таки, куда теперь? В клуб с такими деньгами ехать вдруг расхотелось. Конечно, это далеко не последние пять тысяч зеленых, которые у него есть, но все равно с большими

деньгами чувствуешь себя неудобно – мало ли что...

...Все-таки домой?...

Вдруг рядом, разрывая серость осеннего дня розово-оранжевым заревом своего цвета, припарковалась какая-то немыслимая низкая гоночная машина. Он приспустил стекло, чтобы получше рассмотреть это авточудо и тут нудный уличный гул был разбавлен радостным воплем:

– Серега!!! Старик! Неужели ты?

Из машины вывалился огромный колоритный мужик – рыжая борода, рыжие лохматые, торчащие во все стороны волосы. Таким мог быть только единственный человек на свете – Илья.

– Господи, да я как раз ищу тебя по всей Москве!!! – Илья в один прием вытащил его огромными ручищами из машины и теперь, кажется, хотел как следует помять, что всегда означало высшую степень радости.

– Тихо, тихо! – смеялся он. – Сломаешь ведь!

– Ты куда пропал? Телефоны все неправильные, из наших никто ничего не знает! Может, ты скрываешься от кого? – спросил Илья тревожно. Потом, хмыкнув, закончил: – Не бойсь, отмахаемся!

– Если кто и пропал, так это ты, – он, улыбаясь, смотрел на этого рыжего медведя и чувствовал, что давно уже так не радовался присутствию человека. – Эти твои мэйлики: "Жив, здоров, время писать пока нет, но всех люблю!!!" И так шесть лет. Я, честно говоря, начал думать, что тебя уже и

вовсе нет на свете, а почту рассылает или какой-то человек, которому заплатили, или вообще программа!

– Ишь, удумал! На свете нет! – хохотал Илья. – И не надейтесь!!! – а потом потащил его в свою машину. – Промокнешь, дождь ведь... – и потом, уже сидя в машине и радостно рассматривая его, продолжил: – Да никуда я не пропал! В Америке был, деньги зарабатывал! А что не писал... Ты же знаешь, – сморщился. – Не люблю, не умею, не хочу, не буду! Чукча не писатель! И вообще, – назидательно поднял палец, – ничто не заменит личного общения! А посему, сейчас мы заезжаем за твоей половиной и едем общаться лично! Ко мне! У меня сегодня что-то вроде новоселья, куча народу, скучно не будет!

– Нет, Илья, – вздохнул он. – Никуда мы не заезжаем...

– Развелись, что ли? – нахмурился Илья.

– Пока нет, – задумчиво сказал он. – Да, скорее всего, и потом нет. Но мы давно уже каждый сам по себе.

– Да... – протянул Илья. – И тогда у вас не ладилось... Когда я еще здесь был. И теперь, значит. И чего вам надо? – он оглядел его. – Ты, как всегда, бесподобен! Изысканная бледность и нестандартный вид. И Наташа, я думаю, такая же красотка, как и была?

– Еще лучше, – хмыкнул он. – Она следит за собой.

– И чего тогда вам надо? – повторил Илья задумчиво.

– Всего остального, – опять хмыкнул он. – Ладно, это все не важно. О себе-то расскажи! – он разглядывал человека,

которого уже почти начал забывать. Бесподобный бронзовый загар, такие же, как и шесть лет назад, ярко-рыжие волосы и борода, хитрые и лукавые карие глаза... Вот только зубы стали ровнее и какие-то уж прямо подозрительно белоснежные!

– Ну, да, да, – перехватил его взгляд Илья. – Америка – страна белоснежных улыбок! Там просто неприлично было иметь мои, хотя и крепкие, но прокуренные желтые клыки! Не вызывал, так сказать, доверия! Пришлось исправить.

– В Америке, значит... – улыбался он. – И как тебя занесло-то туда?

– У-у-у... – пробасил Илья. – В двух словах не расскажешь! Одно только скажу: американцы – это большие дети. И богатые дети! И, причем, совершенно искренне верящие в бога и чудеса. И, почему, спрашивается, не помочь им с радостью избавиться от их лишних денег, а себе – не сколотить некий весьма и весьма нехилый капиталчик, а?

– Жульничал, значит, – засмеялся он.

– Упаси боже!!! – положил руку на сердце и округлил глаза Илья. – Я в этом на голову выше самого товарища Бендера!

– Что-то я слабо представляю тебя в роли праведного священника! – засмеялся он. – Да еще американского! С твоим-то произношением!

– Я же говорю – в двух словах не расскажешь! Вот что, полезай обратно к себе и поедем, – он глянул на часы. – А то там без нас начнут! Только не потеряй меня, да я, вообще-то,

потиху поеду.

— Такую огненно-страстную машину трудно потерять из виду, — улыбнулся он. — Менты, небось, житья не дают, останавливают на каждом перекрестке?

— Вот и нет! — хохотнул Илья. — Я думаю, они меня за пожарника принимают — и по цвету, и по скорости.

— Под цвет волос, что ли подбирал? — все улыбался он.

— Это не только цвет волос, — Илья даже мечтательно закрыл глаза. — Это цвет моей натуры... — потом опять открыл, посмотрел на часы и поторопил: — Все, едем!

Его действительно трудно было потерять — даже в серой тягомотине нудных осенних сумерек низкая машина мелькала впереди, подобно вспышке.

Вдруг, нарушая и все правила, и просто приличия, Илья резко, почти под прямым углом ломанулся к тротуару. Несколько машин взвизгнули тормозами, из одного открывшегося окошка вслед ему объяснили все, что о нем думают, артикуляция водителей, видимая за другими, не оставляла сомнений в том, что думают то же самое. Он, конечно, не смог повторить такого же изумительного маневра, и вынужден был притормозить намного дальше. Вышел и смотрел издали на то, что вызвало столь резкую остановку.

А Илья, озаряя окрестности заревом волос и оглушая радостным басом, разговаривал с какой-то женщиной, из-за

которой он, по-видимому, и сделал такой немислимый культ.

Он видел ее только со спины и думал, почему же он решил, что это женщина, а не девушка? Она была в джинсовом костюме, тоненькая, прямая, с заколотыми на затылке русыми волосами. Но то ли манера держаться, то ли еще что-то выдавали именно женщину, а не девушку.

Илья тем временем тащил ту в машину, она немного сопротивлялась, и по жестикологии было видно, что она сетует на свой не праздничный вид. Но Илье сопротивляться – все равно, что с кулаками идти на танк. И поэтому, уже запихивая незнакомку в машину, тот помахал ему рукой – мол, все в порядке, едем дальше.

Опять он следовал за огненной машиной и вдруг понял, что думает об этой женщине. Почему? Ведь он видел ее мельком и со спины! И не увидел, кстати, ничего особенного. Но что-то витало в воздухе, предвкушение чего-то... Как это объяснить? Что затрагивает наши чувства? Движение, жест, изгиб руки?... "Бред какой-то, – хмыкнул он. – Вот посмотрю в лицо и успокоюсь..."

Вскоре, немного покружив по переулочкам центра, они остановились у двухэтажного дома. "Неплохо заработал Илюха", – с удовольствием подумал он. Потому, что квартиры в таких местах стоили весьма и весьма недешево. Илья тем временем, в ритме урагана вытащив из машины незна-

комку, уже подошел к нему:

– Вот! Сергей-Марина, Марина-Сергей, – быстренько хлопав по плечам "познакомил" их Илья. – Дальше сами, и не церемониться, у меня все просто! – а потом, подхватив обоих под руки поволок в подъезд.

...И лицо у нее было обычное. Правильное, но ничего яркого... Только глаза странные – то ли немного детские, то ли испуганные... И совершенно без косметики. Возраст, пожалуй, как и его.

Илья, между тем, все еще продолжал бурно радоваться:

– Как я тебя углядел-то, а? – и опять хлопал Марину по плечу, отчего та даже немного пошатывалась. – Нет, ну молодец я, да? – обращался и к нему. – И тебя углядел, и ее! – и опять к Марине: – А ты-то куда пропала? Вы что, все резко телефоны поменяли?

– Да нет, – он, наконец, услышал ее голос. Странно низкий и грудной для такой хрупкой женщины. – Я ничего не меняла. Просто только сегодня из командировки. Утром с поезда на работу. Лучше бы мне домой заехать, – она, нахмурившись, оглядела себя. – Нет, правда... С корабля – на бал! Хоть умыться бы как следует.

– И умоешься и помоешься! – весело балагурил Илья. – Ты что же, думаешь у меня воды дома нет? – а потом, сначала серьезно оглядев ее, а потом, хмыкнув, добавил: – Главное, грязь кусками не отваливается, и ладно!

– Илья! – укоризненно протянула она, не улыбаясь и лишь

немного покачав головой.

...Он, уже внимательно рассмотрев и ее саму и ее лицо, отнюдь не успокоился. В чем же было дело? В том, что она не строила ему глазки, что не появилось в этих серо-зеленоватых глазах особого огонька или намека?... Ведь обычно женщины, лишь окинув взглядом его хоть и неброский, но весьма и весьма недешевый "прикид", "нестандартный", как сказал Илья, вид с небольшой темной испанской бородкой и интеллигентной бледностью, пусть и невольно, и может даже непроизвольно, но начинали блеснуть и глазами, и улыбкой...

...Илья все продолжал теревить ее:

– А отец? Там тоже никто не подходит! С собой что ли, в командировку взяла?

– Папа умер, – сказала она, опустив глаза. – Он после того недолго прожил...

– Ах ты, черт, – нахмурился Илья. – Прости... Видно, надо было, все-таки, письма не только писать, но и читать! У тебя с деньгами как? Ведь все это недешево.

– Все нормально, – опять посмотрела она на него.

– Не обижаешься? Только честно?

– Да что ты, – удивленно подняла она брови. И повторила: – Все нормально.

...В квартире, отделанной по последнему евростандарту, но еще совершенно не жилой, уже была куча народу. На правах хозяек развлекали всех две длинноногие девицы – моде-

ли, ни дать не взять. Одна черненькая и белокожая, другая смуглая, почти мулатка, но при этом пепельная блондинка. Илья только особо посмотрел на них, подняв бровь, и они, весело щебеча, потянули Марину вглубь квартиры.

– И где ты их берешь? – тихо хохотнул он, ткнув Илью в бок.

– Милый, – так же тихо, в тон ему сказал Илья. – Такого добра... Только руку протяни! Но! – он поднял палец. – Не пустую руку!

Потом началась какая-то суeta знакомств и узнаваний. Он уже совершенно не жалел, что не пошел на randevу с Леной – встретил здесь давно потерянных из виду институтских ребят, пару коллег по лаборатории, в которой они когда-то давно трудились на пару с Илей.

Конечно, новоселья, в его классическом варианте, длинноногие подружки Ильи организовать не смогли – даже стола, как такового, не было. Просто в огромной гостиной, отделанной в салатových тонах, в одном из углов был сделан не то фуршет, не то еще что-то похожее: закуски стояли везде, даже заполняя всю крышку громадного тоже салатového рояля ("И где он откопал-то такой?"). Потом везде стали образовываться группки по интересам – сидели на множественных диванах, креслах и пуфиках, заполняющих эту комнату. И он все время, удивляясь сам себе, искал глазами Марину. Она пришла вскоре немного посвежевшая и порозовев-

шая – видно умылась. Густые светло-русые волосы с красивым мелированием были теперь распущены по плечам. Илья, который все это время, летая от одной группки людей к другой, временно обосновался у них, страшно возмутился:

– Кисуля! Тебе жалко платье дать человеку? – и грозно посмотрел на черненькую.

Несчастливая Кисуля, широко открыв синие глаза, уже приготовилась оправдываться, но Марина ее опередила:

– Прекрати, мне ничего не надо, – она так и была в своем джинсовом костюме, только куртку сняла и осталась в одной, тоже джинсовой, но тоненькой рубашке. – Грязь, как ты правильно заметил, кусками не падает. А чужую одежду я не люблю.

...И опять это было словно в унисон с его мыслями. Он и сам никогда бы не одел чужого.

Да и смотрелась она здесь, среди этой, вообще-то довольно нарядно одетой публики, совершенно нормально – видно была из тех редких счастливиц, которые умеют преподносить одежду на себе, а не наоборот.

Илья, между тем, рассказывал что-то веселое из своей американской одиссеи и он, невольно заслушавшись, иногда смеялся – Илья был рассказчик от бога, да и одиссея сама того, конечно, стоила.

Марина сидела с ним рядом на одном не то маленьком диванчике, не то большом кресле, в которое буквально впихнул ее Илья, предлагая послушать свой рассказ, и он, с удивлени-

ем понимал, что от этой близости у него даже встает вся его мужская натура. "Ерунда какая-то", – думалось весело. Вообще настроение поднялось, и он удивлялся сам себе, неужели от знакомства с этой странной неулыбчивой и неяркой женщиной?

Слева от него стоял столик со всевозможными закусками и он, воспользовавшись этим, начал потихоньку ухаживать за Мариной и организовывать с ней свою, приватную, так сказать, беседу...

И вроде бы она охотно отвечала на его вопросы, и он уже знал, что когда-то она работала у Ильи в его полиграфической фирмочке, тогда, когда они уже разбежались из лаборатории каждый в свою сторону, но когда еще тот не уехал в Америку. Все так. Но сама ничего не спрашивала, и это немного задевало, ведь ему было чем похвалиться!

Тут, словно прочитав его мысли, очень помог своим вопросом Илья:

– Слушай, старик! Что это мы все обо мне? Ты-то как и где? – они, в очередной раз поменяв окружение остались сейчас втроем: они с Мариной так и сидели на диванчике, а Илья сел прямо напротив них на пуфик. – Хотя, думаю, неплохо! Такие тачки как у тебя и такие часы, – он показал взглядом на его руку, – стоят прилично.

– Сеть элитных парфюмерных магазинов в Москве, – сказал он скромненько и сучая.

– Серега! Дружище! – пробасил Илья, округлив глаза. – Но это очень серьезно! Я-то собирался спасти тебя от мафии! Да ты сам мафиози хоть куда!

– Да, брось, – хмыкнул он. – Но те, кто надо мной... да, пожалуй.

...И опять его укололо равнодушие Марины... Любая женщина должна была бы заинтересоваться, ведь все-таки парфюмерия! Она же просто внимательно, но совершенно равнодушно слушала их диалог. Может, у нее вообще нет никаких отношений с косметикой и парфюмерией? Сейчас ее лицо было по-прежнему начисто лишено каких бы то ни было ее следов. Он улавливал лишь только тонкий аромат дорогого мыла, которое вряд ли она принесла с собой, скорее всего воспользовалась тем, что было в ванной.

...А Илья, в свойственной ему непоследовательности уже перекинулся на Марину:

– Ну а ты? Все еще в нашей Менделеевке?

– Да. Где же еще? – она пожала плечами. – Теперь мне уже ничего больше и не нужно.

– Брось, – как-то хмуро сказал Илья. – Ты еще очень даже ничего! Вот и Серега скажет... – и кивнул в его сторону, не ожидая, впрочем, никакого ответа. – Ты только не думай, что все прошло! Жизнь ведь такая длинная еще! А как работа?

– Защитилась. Год назад. Я писала тебе, хотя и поняла давно, что писем ты не читаешь.

– Ну, молоток! Это мы как-нибудь отметим особо и от-

дельно! – сразу воодушевился Илья. – Все-таки почти коллеги! – и, обернувшись к нему, объяснил: – Марина с тонких технологий.

...Вот оно что... Ученая. Почему-то, и это больно кольнуло... Ведь и он мог бы... И тема была и работа... Но тогда бы не было всего остального! А, может, и не поздно еще? Тридцать шесть скоро... Какие его годы?

...Но только вот, надо ли?...

–...Сергей?

...От этого голоса его просто скривило... Алла была как всегда великолепна. Идеальное лицо, выполненное профессиональным визажистом, фигура, над которой, по-видимому, без усталости трудились человека три, не меньше, наряд... он призадумался, прикидывая, ... да, пожалуй, стоящий всех денег, которые лежат у него в кармане. Но он помнил только как удачно избежал романа с ней, когда был в Италии. И который раз похвалил себя за это. Это была женщина-вампир, способная высосать из человека не только все его соки, но и все его состояние.

– Сереженька, и куда это ты пропал? – улыбаться она умела не хуже фотомодели – с полностью открытым ртом и так же полностью открытыми при этом глазами... – Совсем друзей забываешь!

– Работа, работа... увы, – он тоже вежливо улыбался, но старался всем своим видом показать при этом, что у него

разговор с другим человеком и что прерывать этот разговор он не собирается. И Илью, как назло, уже кто-то утащил в свой кружок.

– Ну, сейчас-то, я думаю, ты не на работе? – уж если Алла чего-то хотела, то шла напролом. И сейчас она подошла к нему и, полностью игнорируя присутствие другого человека, положила руку ему на плечо и заглядывала в глаза. – И мы, конечно, потанцуем? – она лукаво кивнула в сторону соседней комнаты, откуда давно уже звучала музыка и смех... – Я тебя приглашаю!

– Тоже – увы, – он развел руками, а потом взял за руку Марину. – Ты опоздала!

И испугался...

Что сейчас Марина или возмутиться, или скажет, что вообще не танцует, или просто растеряется, не ожидая этого.

Но та, полоснув по нему быстрым умным взглядом, чуть усмехнулась и встала, уже сама удерживая его руку:

– Да, мы как раз собирались.

Теперь Алла сделала вид, что только сейчас и заметила ее. И посмотрела так, что за такой взгляд можно было бы и схлопотать. Удивление, насмешка, недоуменное разглядывание, ... непонимание...

Но Марина вдруг улыбнулась, да так, что и Алле бы поучиться! И он с радостным удивлением обнаружил, что улыбка у нее хороша до чертиков, что с такой улыбкой женщине вообще рот закрывать противопоказано, не говоря уж

о ее хмурой молчаливости.

Он тоже вскочил и, сделав радостный извиняющийся поклон Алле, подхватил Марину под руку и потащил в другую комнату.

Он быстро влез в самую гущу танцующих, обнял Марину за спину и только тогда начал оправдываться:

– Извините... Я не спросил... И спасибо огромное, что поддержали!

– Да я все поняла, не оправдывайтесь... – она опять была спокойно-равнодушна, и он досадовал, что ее единственная улыбка была даже и не для него, а для Аллы.

– Просто я не выношу ее, – продолжал все-таки он оправдываться. – А она... да как репейник, и ничего понимать не хочет! Ну, не посылать же ее, в конце-то концов! Все-таки женщина...

– Да, да... Я так и поняла, – повторила Марина.

Они замолчали, невольно поддаваясь чарующим звукам старинного "Отель Калифорния", так любимого Ильей. Он придерживал ее за спину и талию, такую эфемерно тонкую, казалось, что в один обхват! И сквозь мягкую джинсу блузки чувствовал рукой прямую спину, кажется начисто лишенную жировой прослойки. Рядом ярко светил прожектор светомузыкальной установки и он с удивлением увидел теперь, что волосы ее и не мелированы вовсе, а просто сильно прорежены сединой. Правда, очень красивой и благородной, ка-

кой-то даже голубоватой, редко у кого бывающей...

...Эта Марина делала с ним что-то непонятное... Обычно, увидев женщину и оценив, как товар, он решал для себя – брать или нет, а уж потом все остальное было делом техники. Ухаживания, цветы, рестораны... Лишь атрибуты, которые нужны были для соблюдения правил игры.

Ее же хотелось... нет, не просто взять, хотя и это хотелось, и хоть сейчас! Но было что-то еще... Хотелось защитить, хотя, видно, и она сама могла постоять за себя. Хотелось сделать что-то такое, чтобы она перестала быть задумчивой и улыбнулась своей чудесной улыбкой. Хотелось взять на руки и побаюкать.

– Хорошая музыка, правда? – более дурацкого вопроса он придумать, пожалуй, и не мог, но, ругая себя в душе последними словами, тем не менее, задал.

– Да... Только это, кажется, единственная настоящая вещь у Иглз.

– Да, остальные на любителя... – он видел, что она отвечает скорее из вежливости и судорожно придумывал тему для дальнейшей беседы. Ляпнул опять банальность: – Музыка молодости, ностальгия...

Она внимательно посмотрела на него:

– Скорее не вашей молодости. Она и до вас уже лет десять, как была.

– Да, конечно... Просто мы и в школе и в институте ее всегда слушали. И играли! – он вдруг радостно вспомнил вы-

игрышную для себя тему: – У нас небольшой ансамблик в школе был, я там на фоно играл.

Она, наконец-то, оживилась:

– Правда? Это так здорово! Я вот всегда мечтала играть на пианино, да только как-то так и не получилось.

– Никогда не поздно, – он, почувствовав себя увереннее, взял ее руку со своего плеча. – С такими руками... – с удовольствием рассматривал узкую длинную кисть. – Да вы легко полторы октавы возьмете!

Она слегка улыбнулась, словно благодаря его этой улыбкой за комплимент, и как-то очень робко попросила:

– А вы не сыграете что-нибудь? Или сейчас уже не играете?

"Вот черт! – подумал он. – Никогда не знаешь что в жизни пригодится! Последнее время казалось, что только деньги. Вспомню ли что-нибудь? А... Должен!" И вслух сказал:

– Давно уже не играл, но ради вас попробую. Идемте, – и, взяв ее под руку, повел в комнату с роялем.

Там, к его радости, почти никого не было и он, сев за этот совершенно неправдоподобный рояль салатового цвета, решительно поднял крышку и, пытаясь сосредоточиться, закрыл глаза ...

...Руки часто помнят больше нас самих... Моторная память, так кажется. И его руки на удивление легко начали играть тот самый "ОТЕЛЬ КАЛИФОРНИЯ". Только ощущение было такое, словно они замерзли, заледенели и плохо двигают-

ся. Марина облокотилась на крышку, подперев голову рукой и он, растворяясь в ее больших зеленоватых глазах, все вспоминал что-то и вспоминал, сам удивляясь, что, оказывается, знает так много мелодий...

...И он уже представлял, как поедет провожать ее до дома, и как будут блестеть в темноте машины ее странные глаза, и как сегодня, конечно же, он будет предельно корректен и не позволит себе ничего такого, даже банального поцелуя! Но, глядя сейчас ей в глаза, он надеялся, что они обменяются телефонами и... Дальше мечтать было опасно.

...Идиллию нарушил Илья, который притащил какого-то щуплого очкарика:

– Ну? Узнаешь? – вопил радостно и тряс того как грушу.

– Елки-моталки! – он и сам радостно улыбнулся, узнавая в очкарике старинного знакомого. – Илья, да у тебя прямо талант собирать людей! Саня, дорогой, ты-то откуда здесь? Все думали, что ты в Германии.

– Я и есть в Германии, здесь проездом, – улыбался Саня.

– А я его нашел!!! – Илья опять потряс того за плечи. – Как – не скажу, секрет фирмы! Мужики! Надо за встречу... – он оглянулся, выискивая что-то особое среди бутылок, да так и не найдя, потянул обоих на кухню. – Пойдем... У меня там для таких случаев кое-что припрятано!

Он собирался извиниться перед Мариной или просто взять ее с собой, если она не будет возражать. Но та уже

оживленно говорила с какой-то парой, тоже вошедшей вместе с Ильей. И поэтому он только слегка развел руки, перехватив ее взгляд, мол, что поделать? Она кивнула и продолжила беседу.

– ...Ну, и как там Германия? – басил Илья, когда они уже пару раз приложились "за дружбу" к какому-то старому, в запыленной бутылке, коньячку. Хотя, он, всего лишь немного пригубил, помня, что за рулем... – Ты-то сам там каким образом? Работа?

– Элизу помнишь? – усмехнулся Саня. – Тогда еще обмен какой-то был студентами? Да тогда, на заре перестройки и гласности?

– Кругленькая, конопатая, пытающаяся говорить по-русски, но безуспешно... – закрыв глаза, вспомнил Илья. – И?

– Жена, – скромно подвел итог Саня.

– Елки-мotalки... – почти одновременно удивились они с Ильей.

– Мы переписывались, а потом она позвала к себе, – продолжал Саня.

– И пустили?

– Да не сразу, – вздохнул тот. – Сначала она в качестве туриста приехала сюда, мы расписались. Конечно, промурыжили еще полгода, а потом и пустили.

– А сейчас? Чем ты там занимаешься-то?

– Ну, во-первых, науку потихонечку двигаю. Но это скорее... хобби. Денег особых за это не платят. Так... при одной

фирмочке химлаборатория. В общем, шинами занимаемся.

– А фирмочка называется, случаем, не Ауди? – хмыкнул Илья. – Что-то мне такое рассказывали!

– Куда уж нам... – скромненько вздохнул Саня. – Только Опель...

– Ох, Саня! – захохотал Илья. – Ну, Саня!

– Но это все-таки не основной доход, – продолжал Саня. – А основной... Домовладельцы мы. Немцы – они же ленивые до жути! Все им на тарелочке преподнеси, сами палец о палец не ударят. Так вот, под строительство дома, например, там государство дает кредит. Причем с такими условиями, что промолчу, а то обзавидуетесь. Ну, и что же, спрашивается, не взять и не построить? Нет... Не хотят! Слишком много возни, суеты и телодвижений! А я захотел. И Элизу на это сподвигнул, хотя и сложно было, ох, как сложно! И вот теперь – домовладелец. Сдаем квартиры. Кредит быстро вернули, и теперь кругленький счет в банке все более и более округляется.

– Чего не скажешь о тебе, – тут же вставил Илья.

– Ты не видел мою Элизу, – улыбался Саня. – Она за двоих отдувается!

– Представляю, – вставил слово и он. – Она и тогда пухленькая была.

– А сейчас – так просто знойная женщина, мечта поэта! – опять улыбался Саня. – И пацанят уже двое. Пять и четыре, погодки. Вот отдохнем немного и девку делать будем, реше-

но уже – боремся до девки!

– Нет, ну Саня, а? – похлопал его по плечу Илья. – Ну, мужик! И кто бы подумал? Всегда скромненький, тихий...

– В тихом омуте, – улыбался в тон Илье и он.

– А потому, мужики – наливай! – опять взялся за бутылку Илья.

– Мне не надо, – взял он свою, еще не допитую рюмку.

– Да заночуешь у меня, что за сложности! – возмущался Илья. – Ведь, как я понял, дома тебе появляться не обязательно?

– Да,... все точки над "и" уже давно расставлены... Но я не останусь.

– Как знаешь... – Илья, прищурившись, странно посмотрел на него и повторил: – Как знаешь...

...А когда они втроем, наконец, опять пошли к другим, Марины там не оказалось...

Сначала он думал, что она или в ванной или в туалете, но потом понял, что она ушла вообще. Тихонечко, по-английски. В прихожей не было ни ее сумки, ни джинсовой куртки...

...Настроение почему-то испортилось, и он обозлился и на весь женский род в целом и особенно на нее! Хотя, трезво рассуждая, понимал, что вообще-то между ними ничего,

абсолютно ничего не было! И она совершенно ему ничем не обязана.

Злость быстро сменилась непонятной тоской... И хотя он еще долго разговаривал и балагурил, переходя от одной компании к другой, на душе уже не было того радостного подъема...

А потом он просто плюнул на гордость и пошел к Илье. Утащил его из какой-то очередной группки и поволок на кухню.

– Илья, слушай... – не знал, как и сказать. – Дай мне телефон Марины... Ведь у тебя же есть?

– Есть, – Илья, опять прищурившись, внимательно и серьезно посмотрел на него. – Не дам.

– Для себя бережешь? – вдруг "догадался" он. – Куда тебе столько баб?

– Во-первых, она не баба, – все также серьезно сказал Илья. – Я думаю, ты и сам мог заметить, что это женщина в самом лучшем ее варианте. Во-вторых: она не моя женщина и никогда ею не была. Впрочем, к моему большому сожалению! И, наконец, в-третьих, если она сама не дала тебе телефон, то и у меня не проси. Вопросы есть?

– Но почему? – возмутился он. – Я уверен, что мы обменялись бы телефонами! Просто ты Саню привел... Ну и...

Как-то так глупо получилось!

– Ты – бабник, – просто сказал Илья.

– Сам такой! – тут же огрызнулся он.

– Ты бабник, – повторил Илья. – Это и без очков видно. А я – только потребитель! Мне предлагают – я потребляю. У меня все просто, есть товар, есть цена, я или беру, или нет. И никто ничего другого себе и не представляет! А у тебя ведь все непросто! Все витиевато и изящно! Вроде как любовь, и вроде как насовсем! И я не хочу, чтобы жертвой стала она. Не для тебя она, пойми! Даже если бы она и увлеклась сегодня тобой, я бы сделал все возможное, чтобы разубедить ее в этом.

– Бабник – от слова бабы, – он улыбался и пытался свести все к шутке и переубедить его. – А она, как ты сам сказал, женщина...

– Вот что... – Илья нахмурился. – Может я и не имею права... Хотя... Ладно, сядь и слушай, – он, не дожидаясь его действий, одним мощным движением сам усадил его на ближайшую табуретку и повторил: – Слушай... Во-первых, она тебя старше намного. Дай сообразить... – задумался: – Да лет на семь... Нет, пожалуй и на восемь, если по годам, ты ж декабрьский, а она на Рождество родилась, помню... на наше Рождество...

– Вот как, – он растерялся. – А по виду и не скажешь...

– Что, уже передумал? – хмыкнул Илья.

– Нет, – сказал он решительно, опять сам удивляясь себе.

– Но дело и не в этом, – продолжил Илья. – Как бы это все кратенько...

– Можно и не кратенько.

– В общем так. Она была женой друга нашего завлаба. Помнишь, к нему ходил черный такой, высокий, кудрявый, веселый?

– Что-то припоминаю, – напрягся он. – И что?

– А потом, когда вся эта хренотень в стране началась, мы как-то с завлабом нашим встретились, ну и к слову, разговор зашел о них. В общем, те бедствовали. Помнишь, зарплаты, даже повышающиеся ежемесячно, не успевали за всем остальным? Муж ее куда-то там пытался пристроиться, а так как кроме химии своей ничего не умел, да и возраст... Сын – школьник еще, одни траты. Она тоже на кафедре. Вроде хотела секретаршей, да только куда там! И возраст опять-таки уже не тот, да и помнишь какие сначала были секретарши? Это теперь, наконец-то, секретарь стал просто секретарем, без образования уже и не возьмут. А тогда все словно с цепи сорвались, в любом объявлении между строк легко читалось – "готовая ко всему"... В общем, чего я говорю, и сам все знаешь!

– Да, конечно, – он переваривал информацию о том, что у нее, должно быть, взрослый сын...

– Ну, и взял я ее к себе, в полиграфию. Там, кстати, только и познакомились поближе, так ведь только мельком: "здрасьте – здрасьте"...

– "Поближе" – это как? – услышал он только это.

– У тебя одно на уме, – хмыкнул Илья. – Говорю же тебе, не моя она женщина! "Поближе" – в смысле просто поближе. Она корректор от бога, врожденная грамотность, все мои писульки до такого ума доводила! Я ни разу не пожалел, что взял. И просто человек хороший, спокойная и не вредная, что вообще-то для женщин не характерно. Только, я все что-то не о том, – сморщился Илья. – В общем... горе у нее такое было, что и врагу не пожелаешь! Муж, сын и мать разбились на машине... С дачи ехали. Мы тогда всей фирмой ее из безумия вытаскивали! Она как стеклянная была... Прозрачная, молчаливая... Казалось, одно неосторожное движение – и разобьется... По сыну, в особенности, убивалась! Они друзя с ним были, она прямо расцветала, когда про него говорила. Да и правда, хорошего мальчишку растила. Серьезный был, учился отлично, собирался на исторический в МГУ поступать, Древним Египтом увлекался, Тибетом... Готовился... Ведь уже в десятом был.

Илья замолчал, и он не смел нарушить молчания. Вот почему седина...

– Это все на моих глазах было, она уже года три или четыре у меня работала... – продолжал Илья. – А потом ушла... Опять на кафедру... Она, собственно, и не уходила оттуда фактически-то, трудовая так там и лежала, она просила, чтобы стаж там... ну и все такое. Я не возражал, на что мне ее трудовая?... Опять в науку вся ушла... Вот, не знал, оказы-

вається заступилася. Сильная.

– Дай телефон, – сказав он тихо.

– Нет, – сказав той так само тихо.

– Скажи хоча б праймяку.

– Нет.

– А ты помнишь, что я упрямый? – опятъ тихо спрoсил он.

– Во всяком случае, я буду знатъ, что сдeлал все от меня зависящее.

Они какое-то время молча смотрели друг другу в глаза, а потoм Илья усмехнулся:

– Теперъ во "враги" меня запишешъ?

– С чего это? – удивился он.

– А вот с чего это ты порвал все отношения и с Антиповым, и с Горюновым, и с Ладовским... да ещe много с кем, а?

– Доложили, – усмехнулся он.

– Я через них тебя пытался найти.

– Не с тех начал.

– Да вроде же дружили? – удивился Илья.

– Вроде, – он нахмурился. – Ладно, хоча и не хотел жаловаться, а придется. Они, конечно же, рассказали как я, Буржуин Буржуинович, не пристроил на непыльную работку при своей фирме брата-свата, тещу, золовку? Ну, и так далее? Так?

– Вроде того...

– Конечно... Но и они не с того начали! Не рассказали, случаем, как они првые отвернулись от меня, когда я бом-

жевал?

– Ты? Бомжевал? – удивился Илья.

– Да! – он вскочил и забегал по кухне. – Считается, что если ты богат – то тебе просто повезло! Оказался в нужном месте и в нужный час! Как бы не так! Я поставил тогда на карту все! Понимаешь? ВСЕ!!! Я продал дедову дачу, машину, квартиру со всей мебелью, все фамильные ценности. Все! Наташа, моя благоверная, просто ушла к родителям, конечно же, не позвав меня с собой. И сказала еще, чтобы я радовался, когда меня изредка будут пускать к сыну... Если я буду чистый!

– Ну, старик... – удивленно протянул Илья. – Силен... И зачем же все это?

– Ты думаешь для закупки чего-то? Для аренды? Для начала дела? – он рассмеялся жестко. – Опять ошибаешься! Просто для того, чтобы попасть на прием к тому, кто сейчас моя... – он потыкал пальцем вверх. – Крыша.

– Так неужели это... – округлил глаза Илья.

– Не надо имен, – перебил он и сморщился. – Американец, тоже мне... Поживешь – поймешь.

– Ва-банк, значит, – пробормотал Илья.

– Нет, – протянул он. – Ва-банк – это детский лепет! Нет такого слова еще и понятия. Я шел его убеждать! Что это выгодно, надежно и, наконец, просто красиво для города! А он, как известно, большой любитель приукрасить Москву. Понимаешь, только убеждать! И чтобы я стал делать потом,...

откуда бы взял денег? Даже и не представляю. Но он сам, вдруг воодушевившись и почему-то поверив мне, дал кредиты на таких условиях, о каких нормальные люди даже и не мечтают!

– Счастливый билет... – протянул Илья. – Да ты всегда везунчиком был.

– Да... как же... везунчик, – все еще ходил он по кухне. – Если бы я успокоился и сел в красивый кабинет с длинноногой секретаршей... Как все эти твои... – он подошел и хмуро смотрел Илье в глаза.

– Да такие же мои, как и твои, – растерялся тот.

– Вот-вот... Они как-то так сразу вспомнили, что мои друзья, именно тогда, когда стали видеть меня в хорошей одежде и на хорошей машине. И началось! Тещи, зятья, сестры... И все – замечательные люди! Да я сначала ведь и помогал, и брал! А потом всех выгнал. Ну, почти всех. Если человек пришел на работу только за деньгами! Вот возьми меня, везунчика, как ты сказал. Да если бы я так и сидел в кабинете! Может, и закончилось бы все так же быстро, как и началось! А я РАБОТАЛ!!! ...И чего я только не закончил за это время! И бухгалтером стал, и финансистом, и управленцем, и психологом, и даже немного политиком. Английский – практически в совершенстве, французский – похуже, но тоже нормально, итальянский – только начал, но уже понимаю. И все это помимо знания самого предмета – парфюмерии! Тут уж, видно, хоть я и химик, всю жизнь учиться при-

дется. Вот я и учусь! Все время, понимаешь? А этот твой... я думаю Ладовский более всего расписывал какой я бяка, так?

– Ну, да...

– Он пришел и рассчитывал, что я с превеликой радостью сделаю его... да, как минимум, своим замом! А что он умел? Может, он и неплохой химик-органик, не спору. Но как организатор он ноль! Слово "бухгалтер" знает, видно, только из песни про "милого бухгалтера"! А от должности просто одного из менеджеров он, конечно же, с возмущением отказался! Почему? Ведь если бы он нормально работал и не стоял на месте... Мог бы и замом, в конце концов, стать! Кому бы я отдал предпочтение, среди равных? Да, конечно, старому знакомому!

– Да, старик... – протянул Илья. – Как-то я отошел ото всего этого... Карьера... Рост... Должности...

– Ничего, быстро в норму войдешь, – усмехнулся он. – Здесь тебе не бескрайние прерии.

– Да я не хочу быстро! – хохотнул Илья. – Года три погожу, пожалуй, присмотрюсь куда себя здесь бросить.

– Ну, присматривайся, присматривайся... Только на три года тебя не хватит, радость! Уж я-то тебя как облупленного знаю... – вздохнул он. – А, кстати, чего это ты дело свое так вот резко свернул? Ведь вроде все нормально шло? Фирма хорошая, работа стабильная, а?

– Скучно стало, – сморщился Илья. – Сажу в кабинете, дела идут, деньги капаят... Секретарши... бухгалтерши...

менеджерши... Все хорошие, все ласковые, и все... надоели!

– От добра добра знаешь кто ищет?

– Знаю, знаю! – смеялся Илья. – Дураки и... рыжие!

– Или рыжие дураки, – в тон ему сказал он. – Твоя бывшая фирма сейчас – одна из основных в городе.

– И бог им в помощь! – совершенно искренне улыбался Илья. – Кто знает, может, со мной бы и не процветали так.

На кухню, как позитив и негатив друг друга заглянули Ки-суля и Лапуля – так Илья звал мулатку.

– Иличка! Там некоторые уходят! Тебя ищут.

– Задержать! – рыкнул Илья. – Я сейчас!

– И я, пожалуй, пойду, – встал и он. – Вот, держи, – протянул Илье визитку. – Только, если на работу – представляйся, а то будешь по полдня выслушивать, что он "только что...", "вот-вот...", "сейчас будет...". А лучше на мобилу, вот по этому, – он приписал номер, – если, конечно, не отключена.

– Буржуин Буржуинович.

– Да, да,... приходится... – он опять подошел вплотную к Илье: – Не дашь?

– Нет.

– Что же... Уравнение всего лишь с двумя известными: Марина из Менделеевского... Не густо. Но ты совсем забыл меня, старик. Я и не такие задачки решал!

ОНА.

...Выйдя из метро она не стала раскрывать зонтик... До дома было не так уж и далеко, минут десять, но она пошла медленно и длинной дорогой.

...В голове был какой-то сумбур... Она улыbnулась. Илья все такой же. Неугомонный и любвеобильный. Впрочем, в этом его и беда! Он может любить и всех сразу и при этом каждого всерьез, а люди не понимают. Может, даже ревнуют...

...И как же он умеет всех собрать! И как это, вообще-то, здорово. Жизнь, действительно, продолжается. Она сама так решила. Иначе, можно бы было все и прекратить, уж на это бы у нее сил хватило, это точно. Она уже теперь ничего не боится. А, значит, пусть это будет действительно жизнь, а не прозябание...

...Наука... Самообразование... Литература... Языки... Как много всего вокруг, до чего никогда не доходили руки...

...И еще эти веселые и нахальные голубые глаза, которые так и раздевали ее весь вечер!

– Вот еще, – пробормотала она про себя. – Мне еще этого не хватало...

А, если честно, то именно этого ей и не хватало! Организм, вопреки всему свалившемуся на нее, упорно не желал стариться и требовал!

...Но имеет ли она право...

...После всего...

...И она ведь не виновата совершенно, может это все-таки, какое-то жуткое и страшное совпадение?...

...Вот только совпадение ли? Бывают ли такие совпадения?...

...Она не заметила, как подошла к дому. Привычный поворот ключа, привычная обстановка... Скинула туфли и мокрая, не переодеваясь, вошла в маленькую комнату...

Подошла к книжному шкафу, взяла с полки фотографию в рамке... Замерла, ожидая такого страшного и неизбежного...

И оно пришло.

"...Близится время ухода твоего из этой Яви. Признаки Смерти в ощущениях таковы: погружение Земли в Холодную Воду. Тягость заливається, погружаясь, холодом. Озноб и налитие свинцом; Вода переходит в Огонь. Бросает то в жар, то в холод; Огонь переходит в Воздух. Взрыв и Распадение гаснущими искрами в пустоте...". [авт.: Тибетская «Книга Мёртвых» (Бардо Тьедол)]

– ...Но я не хочу... Где ты был, когда я хотела уйти? – она держала в руках фотографию, изображение на которой теперь медленно менялось...

"Тогда отдай другого..." – эти слова возникали из воздуха... звучали и внутри... и везде...

– Не надо, – прошептала она... – Я прошу... Тогда уж луч-

ше меня!

"...Используй смерть, ибо это великая возможность. Сохраняй ясность мыслей, не замутняя их даже состраданием. Пусть любовь твоя станет бесстрастной..."
[авт.: Из «Текстов Пирамид»]

– ...Я никогда и никого не люблю, нет... Не надо... Лучше меня!

...Она уже давно сползла на ковер и сидела, прислонившись к стене и все смотря и смотря на фотографию...

...Спокойная красота лика,... с овалом, удлинённым приставной бородой и высокой белой митрой,... меланхолические очертания тела, облачённого в саван,... скрещенные на груди руки, в которых он держит посох волопаса и бич пастуха... [авт.: Из «Текстов Пирамид»]

– Сегодня ты не так страшен,... и я буду надеяться... о, Повелитель-человек,... Владыка Вечности, подобный людям...

ОН.

...Легко сказать "задача с двумя известными"... А вот решить эту задачу!

Он ехал домой и прокручивал в голове различные варианты поиска. Может, поспрашивать знакомых? Он обменялся телефонами с целой кучей людей у Ильки. Кто-то из них, кажется, знал и ее. Почему-то не хотелось. Это можно оста-

вить на крайний случай.

Справочные отпадают – ни фамилии, ни отчества.

Защитилась год назад... Поднять материалы по Менделеевскому годичной давности, искать в авторах женскую фамилию с первой М?... Только где это? В родной когда-то институт не пустят. В ГПНТБ? Ленинскую? А там есть? Или нет? Он так давно отошел от этого, что и не знал куда сунуться!

Дать задание двум замам? Ольга и Игорь, кажется, все, что угодно могут нарыть в своем этом Интернете! Нет, чужих вмешивать тоже не хотелось...

Наконец, он решил остановиться на последнем варианте – он просто подкараулит ее у выхода. Когда там кончается день у научных работников? Часов с трех, видно, начинают разбегаться. А последние будут уходить не позднее одиннадцати. Потом должны уже всех выгонять. Вот он и подождет.

Решение было принято и он, воодушевившись и начав что-то помыкивать в такт с музыкой, звучащей из магнитолы, весело ехал домой...

...Дома была тишина.

Он уже собрался пойти в свою комнату, как вдруг почувствовал, что здорово проголодался. Оно и понятно. Обедая он уже и не вспомнить когда, а у Ильи было не до этого.

Пошел на кухню, поставил чайник и сделал несколько бутербродов. О том, что там можно будет найти ужин, он как-то

даже на уровне подсознания не подумал. "Я тебе не повариха!" Все точки над "и" уже действительно давно расставлены. Дениске готовит приходящая женщина и только на один раз. "Ребенок должен питаться правильно. Вчерашний суп – это просто яд!" Чем питается его супруга он представлял смутно. Какие-то баночки, порошки, биологические и энергетические коктейли... Вечная молодость, здоровое тело. А потому его "дежурные" кусок копченой колбасы и полбатона белого в морозилке, положенные именно на такой случай, никто не трогал.

...Зачем он живет здесь? Из-за Дениса?... Наверно, это самая большая глупость, которую он делает. Он уже не его сын. Если бы они с Наташей развелись и жили отдельно, у него были бы, пусть два-три часа в неделю, но его, законные! И уж тогда, видно, он бы бросал все дела в эти часы, и посвящал их действительно только сыну. И был бы с ним наедине, что очень важно. А что получается сейчас? Он не может остаться с ним только вдвоем! Так уж постоянно выходит, что либо Наташа, либо эта их "домомучительница", конечно же, "совершенно случайно" оказываются рядом. И видно он уже подсознательно, всегда ища какое-то оправдание, избегает ранних приходов домой. Нынче да завтра... Ладно, сегодня не успел, завтра наверстаю. Завтра не получилось, так уж на следующей неделе... И цепляются дни за дни, недели за недели... И получается, что не видит он Дениса иногда больше месяца...

...И он уже опоздал. Он безнадежно опоздал. Человек в семь лет – это почти взрослый человек. Недавно, все-таки, ухитрившись поговорить с ним "по душам" и почти наедине – он пришел домой днем, чего не ожидал никто, Наташи не было, а "домомучительница" готовила обед и бегала как челнок то к ним, то на кухню, – он ужаснулся! Ужаснулся, что такой маленький человек так трезво и практично смотрит на мир, что он уже представляет, чего хочет в этой жизни и как будет это получать. Вот именно так – получать. Не добиваться, не стремиться, а именно получать! Может это, на самом деле, хорошо?... Может это просто новое поколение?... Уверенное в себе с детства?

Вот только рассчитывает это поколение отнюдь не на себя, а на него. Потому что все в его рассказе о будущей жизни сводилось к тому, что «папа ему устроит», «папа за него заплатит». Тут он просто говорил как будто с самой Наташей. Это ведь именно у нее была такая уверенность в том, что раз он встал-таки на ноги, то теперь должен обеспечивать и ее, и сына и, вероятно, и внуков... до их пенсии!

– Все, отбой... – он даже головой помотал, отгоняя тяжелые мысли. – Поел на ночь – ужас! Копченой колбасы – дважды ужас. И сразу пойду спать. Ужас вселенского масштаба! Все, братья-товарищи, жить осталось после такого всего ничего, готовьте платки для рыданий на моей могилке!

Он уже хотел сполоснуть свою чашку, но вдруг, криво усмехнувшись, свалил все в мойку – и чашку и доску, на ко-

торой резал колбасу и хлеб, и нож.

– Имею право, в конце концов, – сказал тихо и ушел...

...А вот встретить Марину пока никак не получалось... Он уже вторую неделю сидел в машине около выхода, начиная с трех часов.

"Может, она не отсюда выходит? Или вообще раньше?" – перебирал он возможные варианты...

На душе было отвратительно, да и руководить по телефону такой махиной, какой на самом деле являлась его фирма, было весьма и весьма непросто. Он как ненормальный летал днем по Москве, пытаясь переделать все неотложные дела до обеда. Его зам. даже начал странно посматривать на него, когда он, бросив на ходу: "Я на мобильном..." убегал ровно в половине третьего...

"Если сегодня не встречу – еду к Илюхе и убью его, если не даст телефон..." – попутно он также пытался понять, что же так задело его в этой Марине? И надеялся, что, может, поговорит с ней еще разок, или просто увидит, и пройдет все бесследно?...

...Какое пройдет!... Когда он все-таки увидел ее, одетую все в тот же джинсовый костюм и выходящую из дверей, он выкатился из машины как мячик и почти бегом, как мальчишка на первом свидании, подлетел к ней:

– Здравствуйте... Это я, – придумать ничего "умнее" за

все эти две недели он не мог!

– Сергей? – она смотрела на него удивленно и как-то странно. Как будто вглядывалась и чего-то искала в его лице.

– Имя мое вы не забыли, это обнадеживает, – попытался пошутить он.

– Что-то случилось? – все эмоции теперь у нее сменились испугом. – Илья?

– Нет-нет, – тут же быстро вставил он. – Все в порядке, все живы-здоровы.

– А тогда?... – теперь опять было удивление. Но уже только удивление.

– Просто вы тогда так тихо ушли... Я даже не успел попросить у вас телефон!

– А у Ильи? – еще больше удивилась она. – Ведь он его знает, мы с ним еще пару раз говорили после того вечера!

– Он не дает, – он смотрел ей в глаза и пытался понять, что с ним происходит.

– Странно, – она опустила глаза. – И... Вы что-то хотели мне сказать?

– Я еще тогда хотел вас проводить домой... А теперь почти две недели жду здесь, у выхода.

– Две недели? Зачем? – опять посмотрев на него, изумилась она. – Да и не было меня, я сегодня первый раз после того вечера на работу вышла. Немного простыла тогда... Решила дома поработать и отсидеться, чтобы совсем не забо-

леть... – она говорила это как будто оправдываясь, но потом немного нахмурилась: – Так зачем?

– Я на машине, – он махнул в сторону своего авто. – Пойдемте, до дома подвезу.

– Зачем это? – она смотрела не него все также, немного нахмурившись.

– На улице прохладно, опять простудитесь, – он пытался улыбкой разрядить обстановку. – А у меня "климат-контроль"... И записей много хороших!

– В метро не холодно. И от метро мне совсем рядом. Если вы что-то хотели сказать – говорите. А нет, тогда извините и до свидания.

И так как он молчал, судорожно придумывая что бы такое сказать существенное, она уже сделала шаг в сторону, чтобы обойти его, но он, сделав шаг туда же, решил пойти напролом:

– Марина, я вам неприятен?

– Нет, – она растерялась. – Вовсе нет...

– У вас есть кто-то, кому будет неприятна эта ваша поездка? – он только сейчас вдруг подумал, что, конечно же, у нее есть муж... друг... или кто-то... Подумал и испугался, что сейчас от ее "да" все сразу кончится, так и не начавшись!

– Нет,... – было видно, что она не хотела отвечать на этот вопрос, но и врать и уходить от ответа тоже, видно, не умела.

– Может, вы меня боитесь? Честно, я не маньяк и не насильник! Вот, – он вытащил из кармана мобильный теле-

фон. — Позвоните Илье, он подтвердит!

— Нет, нет, что вы... — она теперь растерянно смотрела на него. — Но я живу так далеко! Самая окраина... — она махнула рукой куда-то на север. — Столько времени... и бензина...

— Значит, идем, — он знал, что когда женщина неуверенна, тогда кто-то должен все решить за нее. — Идем... — и взял ее за локоть. Такой остренький даже сквозь джинсовую куртку...

Она пошла молча, все еще нахмурившись и о чем-то напряженно думая, но не сопротивлялась, и только уже в самой машине тихо сказала:

— Я наверно не должна бы этого делать... — но скорее для себя, а не для него...

— Вы, видимо, о том, что я женат и у меня семья? — по тому как удивленно взлетели ее брови, он с досадой понял, что поторопился. — Можете забыть. Фактически мы в разводе уже лет пять. У каждого своя жизнь, так что...

— Нет, я об этом не знала.

А он не знал чем опять заполнить паузу, и не узнавал себя, "балаболку", как часто звал его Илья. Тогда он включил магнитола и поставил первое, что попало под руку — Криса Ри.

— Нет, только не его! — она, почему-то испугавшись, даже руки вперед выставила, открыв при этом изящные запястья, а он покрепче взялся за руль, потому что женские руки, на самом деле, и так весьма эротичная часть тела, а *такие* руки!

– Не любите? – удивился он. – Странно... Мне казалось, это в вашем вкусе.

– Нет... – она опустила глаза. – То есть да, действительно в моем... Только не надо...

– Хорошо, – он не стал задавать вопросов. – Тогда выберите сами.

– Нет-нет... Мне все равно, – она так и не поднимала глаз. – Только не Ри...

– Ладно, – он взял первый из стойки. – Назарет пойдет?

– Если это еще и баллады! – она подняла глаза и чуть улыбнулась.

– Угадали! – воодушевился он совпадением их вкусов. – Именно баллады.

– Баллады у них прелестны... Но все-таки у вас они получились лучше! Тогда, у Ильи.

– Я их играл?! – совершенно искренне удивился он. – Ну, надо же! А я и не помню. Вообще, тогда руки играли, не я. Я уже с трудом «до» от «ре» отличаю!

– Ах, как напрасно... – она опять немного оттаяла, как и тогда у Ильи. – Нет, правда, вы владеете таким богатством – умением играть, и не играете!

– Решено, покупаю небольшой синтезатор, – серьезно сказал он. – И чтобы от прикуривателя работал. Буду вам здесь играть, в машине.

Она лишь тихо рассмеялась в ответ, а он, чувствуя, что от этого смеха может стать неуправляемым, опять вцепился в

руль и продолжал балагурить:

– Ну, а как еще вас в машину затащить? Сегодня почти насильно, завтра, видно, вообще придется помощника взять.

– Завтра? – она перестала смеяться и опять нахмурилась. – Вот что, Сергей. Если серьезно, то не надо никаких завтра.

– Вы завтра не работаете?

– Нет, работаю. Но... – она так и сидела, нахмурившись. – Я имела в виду ни завтра, ни вообще...

Он затормозил и съехал на обочину. Сидел, не глядя на нее, облокотившись на руль.

– Значит, все-таки я вам неприятен.

– Нет. Правда, нет! Только... – она словно подбирала слова. – Я просто боюсь за вас.

– Боитесь? – он удивленно посмотрел на нее, шутит, что ли? – Вы? За меня? И почему же, если не секрет?

– Если все рассказывать, то да... секрет... Я просто не хочу, чтобы вы приняли меня за ненормальную. А если в двух словах... – она вдруг взяла его за руку и смотрела в глаза тревожно. – Просто тех, кто со мной, преследует... рок, скажем так. Несчастье. А иногда и хуже.

– Но при чем здесь вы-то? – он тут же воспользовался ситуацией и положил свою руку на ее, чувствуя, что от ощущения этой прохладной кожи он перестает соображать...

– Вы ничего не знаете, – она отняла руку и опять отвер-

нулась, смотря в лобовое стекло. – Ведь у меня...

– Не надо, – перебил он. – Знаю, все. Илья рассказал, уж простите его!

– Он рассказал не все, потому что и он не знает.

– Марина, – он наклонялся вперед, пытаясь заглянуть ей в глаза. – Вы завтра до каких работаете?

Она, наконец, посмотрела на него и он видел и борьбу и сомнение в этих испуганных глазах. И понимая, что побеждает, уже увереннее спросил:

– Сможете пораньше освободиться? Часов в пять?

– Да у нас, вообще-то, уже давно свободный режим. За такие деньги!

– Значит, в пять я буду у выхода.

– И что потом?

– Секрет, – он улыбнулся. – И сюрприз, – и опять тронулся с места, все-таки включив при этом "Баллады".

– А куда это мы едем? – она только теперь удивленно стала смотреть в окно.

– Туда куда вы показали, – он все улыбался. – Куда-то на север.

– И совсем не туда, – вздохнула она. – На север, это верно. Но ветка другая, серая.

– Серая, зеленая... Какая разница? Направление верное, значит доедем.

После этого они почти не говорили. Но теперь молчание не тяготило его. Он лишь изредка посматривал в ее сторону и менял диски. Сколько времени он "находил" среди уло-чек направление серой ветки сказать уже было сложно. Он поменял за это время диска четыре. Но круги вокруг адре-са, который она назвала, неумолимо сужались и как он не старался оттянуть этот момент, но тот все-таки настал – они подъехали к ее дому.

– На метро раза в три быстрее, – усмехнулась она, но смот-рела все так же в окно, как и всю дорогу...

– Но там толкают и нет музыки, – тут же парировал он.

– Я пойду? – она посмотрела на него и это прозвучало почти как просьба.

– Вот, – он дал ей визитку с заранее приписанным номе-ром мобильного. – И свой дайте, пожалуйста!

Она немного поколебалась, но назвала телефон, и он тут же завел его в мобильник, хотя и лишнее это было, запомнил сразу, насовсем.

Она нерешительно потрогала рычажки и ручки на двери и опять посмотрела на него:

– Как открывается?

– Не так, это уж точно, – улыбнулся, вышел сам, открыл ее дверь снаружи и протянул ей руку.

...Она протянула свою и от прикосновения этой узкой прохладной кисти у него опять начал уходить из-под ног

пол...

"Взять под руку и повести к ней... И зацеловать на все возражения... И..." – он все держа ее за руку закрыл дверь и, щелкнув сигнализацией, повел к подъезду...

Она, словно угадав его мысли, быстро отняла руку и, чуть улыбнувшись, сказала:

– Спасибо, я давно не слушала столько хорошей музыки.

– Вам спасибо.

– За что? – удивилась она.

– Что согласились, что не прогнали. За ваше общество спасибо, – и, понимая, что долго бороться с собой он будет не в состоянии, сам отошел к машине. – Я завтра в пять жду у входа. До завтра!

Он почти сбежал, понимая, что нельзя вот так сразу, резко форсировать события. Сбежал, чтобы ничего не испортить! Сегодня только телефон, а завтра... Завтра, может быть, будет и просто чашка кофе у нее дома. Просто чашка кофе. Он постарается выдержать. Он выдержит, потому что одного его желания мало. А она почему-то напугана и встревожена... Какое уж тут желание! Конечно, в ее жизни было горе, но ведь прошло уже столько лет! И он чувствовал, что она вовсе не перестала быть после этого женщиной. И еще он с радостью чувствовал, что приятен ей, хотя бы как человек... А, значит, все у них получится...

ОНА.

...До квартиры она поднялась в каком-то полутумане...

Теперь уже все бесполезно. Этот человек "запал" на нее, и дальнейшее от нее будет зависеть слабо...

...Рассказать все сразу? Не поверит... Примет за ненормальную, да еще и лечить возьмется, с его-то возможностями!

...Теперь остается только одна надежда – что он испугается. Как только все будет слишком заметно и очевидно. И вот только тогда он сможет испугаться настолько, что и забудет ее и разлюбит, если успеет полюбить... И только это, может, и спасет его...

...Ведь так уже было дважды... Один просто как от чумы убежал от нее, узнав *что* она такое. А другой был реалист и циник. Он забыл ее сразу же и по-настоящему. И тоже избежал страшной участи того, который был самым первым... Того первого, который будет ей вечным укором! И когда она еще ничего про себя не знала!

Она включила свет в коридоре и пошла сразу на кухню, а не в маленькую комнату. "Успею. Теперь уже все равно...". Подошла к окну и увидела, что его машина так и стоит, где была. Ей показалось, что она даже разглядела его бледное лицо, всматривающееся в окна. Видимо, он проверял, что она благополучно дошла до квартиры...

Она подняла немного руку, он, найдя и разглядев ее, поднял и свою. Машина дважды мигнула фарами и уехала.

ОН.

...Он приехал заранее, вышел из машины и теперь стоял почти у входа. Вообще проветриться было полезно, все в помещении, да в помещении. А сегодня еще и погода была просто великолепна – дождь, наконец-то, кончился и, похоже, начиналось бабье лето.

Настроение было приподнятое, ведь только одна вещь утром чуть не испортила такой замечательный день.

Когда он уже почти вышел, то бросив на себя последний взгляд, нахмурился. Он ничего не сказал ей про свои тайные планы, она, конечно же, опять будет в своем джинсовом костюме, а он... Он как всегда бесподобен: стильный костюм-тройка, дорогая рубашка, в тон всему галстук. Нет, он вовсе не ханжа, и ее наряд не имеет для него никакого значения. Вот только она, пожалуй, все-таки будет чувствовать себя неловко. Он метнулся в комнату и судорожно начал рыться в вещах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.